
Крылья
БОЛЬШЕ
ЧЕМ
ЛЮДИ

Tina Rayder
Крылья. Цена мечты

https://litres.ru/74906598
SelfPub; 2026

Аннотация

Я знала, что за любые желания надо платить. Деньгами, способностями или чем-то еще. Но моя мечта была столь несбыточной, что я даже не думала, какую цену она потребует.

Я мечтала летать.

И моя мечта исполнилась!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Девочка, школа и синие волосы	7
Глава 2. Новые знакомые. Роза и Алекс	28
Глава 3. Выбор	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Tina Jay Rayder
Крылья. Цена мечты

Пролог

У каждого из нас есть мечта. Главная цель, которой жаждешь сильнее всего на свете. И если эта жажда по-настоящему сильна, она захватывает разум, словно паразит. Живет внутри, растет, день за днем отвоевывая пространство у других, не менее важных мыслей. Ты думаешь только о ней. Просчитываешь шаги, ищешь малейшую лазейку для ее воплощения. И вот уже неважно ничто — существует лишь цель, к которой ты идешь.

Одержимость, не так ли?

Но почему так происходит? Чем это объяснить?

Психическое расстройство? Или личный выбор самого человека?

Он действительно нездоров, или болезнь — лишь удобная ширма, позволяющая уйти от ответственности за последствия?

А что, если наши мечты зашиты в генах? Наравне с цветом глаз и чертами характера. Кто докажет, что код ДНК не диктует нашему подсознанию, чего желать? Вдруг один крошечный, незаметный ген предопределяет весь смысл жизни?

Бред? Чистейший бред, как ни посмотри. В конце концов, ориентиры человека могут поменяться в любую секунду. И все же однажды я решила списать все именно на генетическую программу. Почему? Да просто потому, что иначе объяснить произошедшее не получалось. К тому же всегда проще переложить вину на что-то внешнее, верно? На гены, на людей, на стечение обстоятельств. Но где-то глубоко внутри все равно будет жить понимание: почти во всех своих бедах виноват ты сам.

Все началось с неясного образа, приснившегося маленькой девочке. Да и кто из нас хоть раз не мечтал взлететь, словно птица? Наверное, каждый! Но постепенно, незаметно для меня самой, смутная греза оформилась в четкую цель. Нелогичную, безумную, на грани фантастики. Сейчас, спустя время, когда финал этой истории близок как никогда, мне кажется, что цель эта была чужой. Навязанной извне.

Сначала пришло осознание, что страх высоты отсутствует напрочь. И понеслось: открытые балконы с головокружительными панорамами города, аттракционы, дарящие мимолетную иллюзию полета. В подростковом возрасте я научилась попадать практически на любую крышу. Разумеется, выбирала те, что повыше — добрые люди показали, как вскрывать замки. Тогда не пугало ничего: ни опасная близость края, ни ледяной ветер, ни полное отсутствие хоть какого-то комфорта.

Потом наступила эра книг, фильмов и даже комиксов,

подчиненных одной навязчивой теме. Мама считала меня просто выдумщицей и мечтательницей. И хорошо, что она не знала о большей части моих вылазок, иначе эпитеты сменились бы вмиг!

Небо манило. Будь оно пронзительно-синим, летним, знойным — или хмурым, налитым тяжелыми тучами. Хотелось нырнуть в него, вдохнуть полной грудью, впитать без остатка. А от понимания, что желание несбыточно, становилось больно почти физически. Психосоматика — штука коварная. Я догадывалась, что, возможно, больна, что психика дала сбой. Ведь так быть не должно! Но других симптомов не находилось, и жизнь текла своим чередом.

К старшим классам я перестала делиться своей мечтой с окружающими. Училась хорошо, лучшая подруга всегда была рядом, любимое хобби приносило не только удовольствие, но и стабильные деньги «на карманные расходы».

Жизнь продолжалась.

А мечта осталась.

Засела глубокой занозой в разуме и душе, терпеливо выжидая своего часа.

Глава 1. Девочка, школа и синие волосы

Магнолия. Город N. Шестнадцать лет.

Если закрыть глаза, можно представить все что угодно — при наличии хорошего воображения, конечно. Уж на его недостаток я не жаловалась никогда. Спросите хоть математичку, которая вздрагивала от любого стука после того, как влепила мне незаслуженную двойку!

Холодный зимний ветер окутывал со всех сторон, стирая грани реальности. Лишь твердая опора под ногами напоминала о безжалостной гравитации. Но даже это не мешало мечтать. Ощущение невесомости и полета опьяняло. Фантазия позволяла почувствовать, как шевелятся перышки на крыльях. Пусть их не было на самом деле, мне казалось, я чувствую каждое. Это будоражило и наполняло счастьем. Я лечу!

— Эй, я, конечно, все понимаю, навязчивая идея и все такое, но я замерзла! — Голос Розы резко вторгся в мои грезы, разрушая их стремительно и безжалостно. Подруга уже тряслась от холода, ожидая меня у двери с крыши. — Нолли!

— Да, сейчас. — Возвращаться в реальный мир откровенно не хотелось, но магия момента уже рассеялась. Теперь стало просто холодно.

— Магнолия Эйвери Флоринс! — сердито воскликнула подруга. — А ну быстро спустилась оттуда и подошла ко мне!

Роза была отличной подругой. И моим личным «смотрителем». Нет, серьезно, она заботилась обо мне лучше, чем я сама.

— Рози, — я развернулась и спрыгнула с перил ограждения, на котором стояла. — Прости, замечталась. Ты же не обижаешься? — «Умильные глазки», активация!

— Нет. Я не обиделась, я задубла! Если тебе нравится дружить со снежной бабой — пожалуйста, иди во двор и слепи себе. А я в ледяную статую превращаться не собираюсь! — ворчала она, кутаясь в кофточку и подталкивая меня к выходу.

— Хорошо-хорошо, идем!

— Быстрее! — Девушка улыбнулась и вытолкнула меня на лестницу. — Уж тебе-то на географию лучше не опаздывать. Он тебя и так недолюбливает.

Итак, меня зовут Магнолия Флоринс. Если коротко — Нолли. Да, имечко то еще! Мне шестнадцать, и я — экземпляр типичного подростка-старшеклассника. Наш город не такой уж маленький, хотя до мегаполиса все же не дотягивает. При желании здесь можно даже заблудиться, пусть ты и живешь тут с детства. В общем, все как у всех. Наверное. Насколько я могу судить.

Не знаю, может, это те самые подростковые заморочки,

о которых твердят взрослые, но, наблюдая за одноклассниками, я чувствую себя не такой, как они. Не сказать чтобы «особенной», просто другой. Может, мне стоило родиться мальчиком? Правда, и тогда вряд ли бы что-то поменялось. Не сказать, что я сильно от этого страдаю, но порой напрягает. Нет, никаких мрачных мыслей и самоуничижения — уж что-что, а самооценка у меня в полном порядке. Не завышена и не занижена. Спасибо Розе: теперь я немного разбираюсь в психологии.

Но вот что любопытно: меня никогда не интересовали мода, прически, маникюр и косметика. От слова «совсем». Короткая стрижка, джинсы, рубашка и кеды. Только фигура выдает во мне девушку, ведь стандартную форму нашей школы я носить отказываюсь. Она не обязательна, конечно, но приветствуется.

Я не отношусь к неформалам или «фрикам» — я просто такая. И, что удивительнее всего для окружающих, я дружу с Розой.

Роза Вейко — светловолосая, голубоглазая красавица с финскими корнями. Общительная, добрая, милая со всеми и очень умная — вопреки всем стереотипам о блондинках. Она моя лучшая подруга с самого детства. И прямо сейчас она тащит меня в школьный туалет наводить марафет на всклокоченных, влажных от снега волосах. Прямо мамочка, а не подружка! Я бы и так пошла в класс, но «до урока пара минут, причешись!», «Нолли, ты красивая девочка, а не

страшилище, покажи это всем». И так каждый день. Я не жалуюсь — привыкла и люблю подругу такой, какая она есть. Ну и, конечно, не могу отрицать правоту ее замечаний, что уж там.

Да, с короткими волосами одна беда — они торчат во все стороны, и расческа тут не особо помогает. Так что я просто попыталась пригладить непослушные прядки руками. Взглянула в зеркало. Сначала подумала, что показалось. Потом захотелось провериться у психиатра. Или померить температуру. Галлюцинации? Пожалуйста! Хоть бы глюк или чья-то дурацкая шутка!

Среди русых прядей красовалась одна, резко выделяющаяся на общем фоне. Не выгоревшая на летнем солнце и не потемневшая от воды.

Синяя.

Ярко-синяя.

— Роза... — Севший голос прозвучал жутко даже для меня, не то что для подруги, резко обернувшейся на мой тон. — Скажи, ты видишь то же, что и я? Пожалуйста, скажи, что там ничего нет и у меня просто помутнение рассудка!

Блондинка смерила меня взглядом с головы до ног, мгновенно зацепилась за новую деталь прически и скептически приподняла бровь. Так, это нехорошо. Закралась мысль, что я все же в своем уме. По крайней мере, не меньше обычного.

— Нолли, ты с какого перепуга решила перекраситься? Надеюсь, это не от скуки и не опознавательный знак ка-

кой-нибудь молодежной группировки, в которую ты вляпалась. Нет, тебе идет, конечно, но почему так кардинально?

— Роза! Я никуда не вступала и не красилась! Оно само! — вырвался у меня истерический визг. Меня затрясло — то ли от холода, наконец добравшегося до самых костей, то ли от страха. Так не бывает. *Так не бывает!* И если это чья-то неудачная шутка, я этого шутника прикончу! Мне проблем мало? Что со мной происходит?!

— Прекрати истерику! — рявкнула Роза. — «Само» не бывает. Разберемся, но потом. Ничего не болит?

— Нет, — с опаской прислушалась я к своим ощущениям.

— Вот и хорошо. Спрячь прядку под остальными волосами — благо они у тебя вечно шухером стоят — и идем на географию. Сейчас давай не будем добавлять тебе проблем с Занудой.

Ох уж эта география! Против самого предмета я ничего не имею. Но вот учитель — совсем другая история. Так уж вышло, что наш «мистер Зануда» при каждом удобном случае норовит влепить мне оценку похуже. И все из-за того, что я сломала нос его племяннику. С другой стороны, я же не виновата, что этот *homo idiotus* не понимает слова «нет»? Не виновата. И на «свидание» с ним идти не собиралась. Эрик отказа не принял и схватил меня за руку. Когда тебя волокут, словно тряпичную куклу, неизвестно куда — это, надо сказать, крайне неприятно. Ну не хочет девушка с тобой ид-

ти — засунь свое эго подальше и отстань! Так нет же, нам нужно еще одно имя в коллекцию «побед»! Надо было взять себя в руки и уйти. Но куда там — мы же самые неотразимые, обаятельные и популярные, разве можно нам отказать?

Можно. Кулаком в нос.

Самозащита! Я девушка нервная, ранимая и очень не люблю подобного хамства. В принципе, именно так я и объяснила ситуацию директору, когда это «чудо» побежало на меня жаловаться. Я ведь слабая и хрупкая. Хорошо, что мне поверили — да и синяки на запястье от его хватки остались красноречивыми. В итоге Эрик жутко на меня обозлился. Правда, от выплаты морального ущерба его это не спасло. Впрочем, как и от принудительных общественных работ на благо школы. Подрабатывает теперь полгодика уборщиком — глядишь, и мозги на место встанут. А то, что пахать приходится после уроков, так ничего страшного! Трудотерапия — штука полезная.

В результате Эрик обходит меня стороной, во избежание, как говорится, а его любящий дядюшка валит меня на каждом устном ответе. Поначалу пытался занижать оценки и на контрольных, но с документами у нас строго. Ответила правильно — изволь поставить справедливый балл. Подделка школьных ведомостей наказуема. Спасибо местным правилам: все проверочные пишутся на специальных бланках с печатью школы — опять же, ради борьбы со списыванием. Уж что-что, а дисциплина у нас на уровне. Как-никак школа от-

личная, почти элитная. Жаль, это не спасает от богатеньких сынков, возомнивших, что им все позволено, и их влиятельных родственничков.

Даже если я выучу параграф от корки до корки. Даже если отвечу на все дополнительные вопросы. Он все равно найдет к чему придраться. Одно слово не так — и выше тройки не светит. Обидно, на самом деле, как бы я ни убеждала всех, что мне плевать. Ну ничего, и на него управа найдется. Я умею. Уж что-что, а свой талант пакостить я искренне люблю!

Сегодня на уроке разбирали новую тему. Для остальных новую, а я ее уже прошла — спасибо Зануде и его вечным придиркам. Поэтому, вполуха слушая лекцию, я уставилась в окно. За стеклом происходило куда более интересное зрелище.

Там вдруг пошел снег. Наверное, последний в этом году. Крупные пушистые хлопья тут же таяли, едва коснувшись земли. Немудрено — все-таки начало марта. Мысли невольно скользнули к событиям прошлой недели. Мне исполнилось шестнадцать. Ни я, ни мои родители никогда не устраивали пышных праздников по этому поводу. Когда я была маленькой, мама с папой пару раз предлагали собрать гостей, но я даже тогда не видела в этом смысла. Зачем? Делать мне больше нечего? Повеселиться можно и без повода. Да и друзей у меня не сказать чтобы толпа. Жизнь идет своим чередом, и каждый прожитый год лишь напоминает: я станов-

люсь старше, а мечта — все дальше. Нет, это не грусть. Скорее тихая тоска от понимания, что реальный мир не в силах дать мне то, чего я жажду. И эта тоска ужасно раздражает.

— Мисс Флоринс! — выдернул меня из задумчивости скрипучий голос учителя. — Вы, видимо, так увлеклись грезами, что совсем меня не слушали! — злорадно протянул мужчина. Понимаю: за такое замечание легко схлопотать неуд по поведению, а это похуже обычной двойки. — Повторите-ка мои последние слова!

— «Вы, видимо, так увлеклись грезами, что совсем меня не слушали. Повторите-ка мои последние слова», — почти дословно процитировала я его.

— Что вы себе позволяете?!

— Вы попросили повторить ваши слова. Последние слова. О том, что они должны касаться темы урока, вы не уточняли.

— Да вы... Да я... — мистер Зануда аж задохнулся от возмущения. Мне показалось, у него даже глаз задергался.

— Что-то не так? — невинно похлопала я ресницами.

О, актерское мастерство я волей-неволей прокачала знатно. Да и капля мстительности в характере присутствовала. По классу прокатились плохо скрываемые смешки. Географа у нас никто не жаловал — слишком уж злобный, мелочный и душный тип. От шанса законно утереть ему нос не отказался бы ни один ученик.

Когда преподаватель осознал, что его только что выставили на посмешище перед всем классом, он пулей вылетел из

кабинета прямиком к директору. Мне его даже жаль. Директора, я имею в виду. Постоянно выслушивать эти кляузы — это ж какое ангельское терпение нужно иметь! И не уволишь ведь: какие-то свои причины наверху.

Бедный директор!

Мы с одноклассниками еще немного похихикали и дружно уткнулись в учебники. В конце концов, география сама себя не выучит, а впереди нас ждали экзамены.

Магнолия. Город N. Утро.

Как правило, когда у людей болит спина, на то есть веская причина. У кого-то хроническое заболевание, кто-то неудачно потянул мышцу. А еще бывают травмы и несчастные случаи. Причины самые разные, но ни одна не подходила к моей ситуации.

Правда, что ныла именно спина, я поняла только под утро. А ночью, когда тело плавилось в мутной, удушающей лихорадке, не то что проанализировать происходящее — позвать на помощь не получалось. Ватные руки и ноги отказывались слушаться. Язык, казалось, распух и прилип к небу. И страшно. Дико страшно за собственную жизнь. Страшно сгореть вот так вот, непонятно от чего, задыхаясь от жара и боли, пронзающей каждую клеточку. Непрерывной, выматывающей. Оставалось только считать вдохи, умоляя ночь поскорее закончиться.

И лишь когда серые пальцы рассвета прокрались в комнату, разгоняя тьму, мучения отступили. В одно мгновение все

стихло. Боль ушла, оставив после себя лишь ноющую усталость во всем теле. Пришло осознание: что бы это ни было, я пережила эту ночь. Как же мало порой нужно человеку, чтобы испытать чистое блаженство. Просто пошевелить пальцами и не почувствовать вспышки боли. Просто закрыть глаза — и вместо пылающего марева ощутить, как мышцы расслабляются и тебя утягивает в сон. Последняя мысль мелькнула совсем вяло, растворяясь в спасительном ничто.

Разумеется, будильник прозвенел несправедливо быстро. Бессонную ночь никак не могли перекрыть полтора часа забытья. И все же лучше встать. Если станет совсем плохо, пойду в больницу — суицидальных наклонностей за мной не водится, жить еще хочется. И, как гласит народная мудрость, «движенье — это жизнь». Стараясь не разбить надоедливый трезвонящий гаджет, я попыталась сползти с кровати.

Ночка выдалась жаркой. В самом прямом смысле слова. Мысли вертелись только вокруг дрожащих коленок и прохладного душа, поэтому в зеркало я глянула не сразу. Вода действительно принесла облегчение и телу, и голове. Но когда я все-таки посмотрела на свое отражение, почему-то жутко захотелось стукнуться лбом о кафель, чтобы проверить, не сплю ли я. Иначе объяснить увиденное не выходило.

Вчерашний инцидент с цветной прядью забылся под грузом уроков, домашки и болтовни ни о чем. Кажется, зря я от него отмахнулась. Как объяснить, что за одну ночь мои волосы стали ярко-синими, почти ультрамариновыми, я по-

нятия не имела. Ладно, одну прядь еще можно было списать на школьных приколистов. Но насыщенный цвет от корней до самых кончиков...

Так, отставить панику, включаем логику. Болезней с такими симптомами я не знаю. Родители так шутить не станут, да и пробраться ко мне на верхний этаж незамеченными непросто — так что ночная покраска отпадает. Что еще? Краска с отсроченным действием? Притянуто за уши, но других версий пока нет. Ладно, любую химию можно смыть, а среди моих шампуней как раз завалялся один термоядерный — смоет все, даже сами волосы.

Увы, после двадцати минут упорного оттирания головы цвет остался на месте. Что делать дальше, я представляла смутно. Родителям врать не люблю, но как объяснить такое — ума не приложу. Допустим, они поверят, что я сама покрасилась. Мол, бунтарский дух наружу просится. А что сказать Розе? Впрочем, подруга как раз может поверить. И помочь.

Ладно, каким бы ярким и внезапным ни оказался новый имидж, стоит признать — синий мне идет.

Я снова глянула в зеркало, стараясь не залипать на шевелюру, чтобы осмотреть себя. Почему меня все-таки так корежило ночью? Будь боль острой, удалось бы определить очаг и пойти к врачу. Но отражение не показало ничего необычного. Все то же худощавое тело, острые ключицы и чуть выпирающие ребра. Со стороны можно подумать, будто меня

морят голодом. На деле же ем я за двоих и ничем не болею. Просто обмен веществ такой — почти все уходит в энергию, не откладываясь на боках. С одной стороны, удобно, с другой — вечно приходится доказывать, что меня не истязают, я не чахну и не сижу на диетах. Уже отвернувшись от зеркала, я осторожно потянулась. И наконец поняла, что было не так.

Вообще, я приемный ребенок. Всегда об этом знала и особо не заморачивалась. Родители забрали меня из детдома в пять лет. И была одна особенность, происхождение которой оставалось загадкой. На спине у меня с детства тянулись две светлые отметины, похожие на следы от ожогов. Правда, кожа там оставалась абсолютно гладкой, просто на пару тонов светлее остальной. Врачи говорили, что это такие необычные родимые пятна. Неудобств они мне никогда не доставляли — даже эстетических. Светлые полосы шли от внутренних краев лопаток до поясницы, слегка расширяясь посередине.

Сейчас же кожа вокруг них припухла и при нажатии слегка побаливала. А сами светлые участки будто бы уплотнились — хотя это могло быть просто из-за отека. Не знаю, почему я не рассказала обо всем родителям сразу. Не понимаю, почему не пошла к врачу. Да, ночью было больно и страшно, но к утру-то все утихло. То ли интуиция, то ли внутренний голос, то ли внезапно проснувшийся комплекс, каких за мной отродясь не водилось, заставили промолчать. Правильно ли я поступила? Я не знала.

***

К завтраку я спустилась в полном молчании. Мама ошарашенно уставилась на мою голову. Ой. А оправдательную речь я так и не заготовила.

— Ма, слушай, тут такое дело... — Никогда раньше не мямлила, а тут слова словно в горле застряли.

— Знаешь, а тебе идет... — вдруг задумчиво протянула мама.

Я опешила.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно, — мама тепло улыбнулась. — Если это твой способ самовыражения, я не против. Знаю ведь, что ты не свяжешься с дурной компанией. Прошлый опыт тебя многому научил. Многие подростки сейчас ходят кто с пирсингом, кто с кислотными прядями — и часто у них ни вкуса, ни мозгов. А у тебя есть и то, и другое, потому что оттенок получился потрясающий.

Я едва не прослезилась. Вот она — моя мама! Ну кто еще не станет донимать расспросами, а просто похвалит за удачный выбор? Только она. Моя мамочка.

— И да, — хихикнула она. — Похоже, теперь твое школьное прозвище закрепится окончательно.

О да, прозвище. Куда же без него в старших классах. Особенно когда ты обладаешь талантом влипать в передряги. И еще хуже, когда в придачу к этому идут отличная память, богатое воображение и отточенный навык мести. Это были даже не шутки и не розыгрыши. Я именно пакостила. Порой

довольно жестко. Не всем подряд, конечно, — лишь тем, кто прекрасно осознавал, что творит, а не слепо плелся за толпой. Случайные промахи я пропускала мимо ушей, следуя собственному кодексу справедливости.

К сожалению, мои «шалости» редко оставались незамеченными. Почти все знали, чьих это рук дело, поэтому в кабинет директора я наведывалась регулярно. Но каждый раз я выкладывала вескую причину и неопровержимые доказательства вины моих «жертв». Училась я прилично — не круглая отличница, но и далеко не отстающая. Уроки без уважительной причины не прогуливала. Так что наказывали меня редко и нестрого. Но одноклассники этих тонкостей не знали. Как-то раз кто-то ляпнул, что после директорского ковра я выгляжу точь-в-точь как мокрый воробей. Ну а что? Мелкая, юркая и вся взъерошенная — отстаивать свою правоту тоже нелегко. Сравнение моментально прилипло. Так я и стала «Пернатой». Иногда — «Пернатиком». Почему нельзя было назвать «воробушком»? Милое же слово. Но нет. «Пернатая». Да уж, с фантазией у моих одноклассников туговато. Впрочем, меня это ни капли не задевало, так что я оставила им эту забаву.

***

По дороге в школу — благо идти мне было недалеко — я позвонила Розе.

— Нолли?

— Это я. У меня проблемка.

— В школе будешь?

— Буду. Но нам надо встретиться до уроков где-нибудь. Желательно, чтобы остальные нас не видели. В каком-нибудь укромном уголке.

— Нолли, что случилось?

— Увидишь.

***

Рози была в шоке. В глубоком.

— И как ты это объяснишь? — Она осторожно коснулась моих прядей.

— Не знаю, в том-то и проблема. Мама списала это на подростковые выкрутасы. Но что я скажу одноклассникам и учителям?

Подруга задумалась. Если бы окружающие знали, что во всех моих шалостях именно Роза играет главную роль, они бы очень удивились. Я придумывала идею и технику исполнения. А вот психологический эффект, железное алиби и обвинительную речь против моих «жертв» всегда выстраивала именно Рози. Психология — одно из ее хобби. Второе — актерское мастерство.

— Слушай, — ее решительный взгляд вселял надежду. — А почему ты вообще должна кому-то что-то объяснять? У нас в школе свободный стиль. Да хоть вся в черный выкрасься и индейскую юбку надень. Лишь бы не голая — и учись на здоровье. Подростковый бунт. Свобода самовыражения. Ни перед кем ты отчитываться не обязана.

— Думаешь?

— Уверена. Пора на звонок, но после уроков мы обязательно все обсудим. Я верю, что ты не красилась, что оно само. Тем более выглядишь ты так, будто из-под поезда вылезла — бледная и вымотанная. Но прости, дорогая подружка, в мистику я не верю. Будем разбираться.

— Когда ты так говоришь, мне сразу хочется улыбаться.

— Это все мое обаяние и лидерские качества. А теперь пошли, мое неизведанное нечто, уроки еще никто не отменял.

Вот так, переговариваясь и дурачась, я начала свой школьный день. Беспокоило лишь одно — к чему в итоге приведут эти странные перемены. И почему меня постоянно знобит? Не сильно, но противно. Одеваться, что ли, стоило потеплее?

***

Уроки тянулись так, словно меня на них и не было. Я что-то записывала в тетрадь, что-то отвечала у доски — судя по оценкам, даже неплохо. Но мысли улетели далеко в прошлое, перебирая мою жизнь по косточкам. Те обрывки, что уцелели в памяти. Важных вех в моей биографии было не так уж много, но каждая из них перевернула мой мир.

Первое, что я помню, — дорога. Пустынное шоссе, на обочине которого я стояла босиком в легком платьице. Было холодно и жутко. И ни души вокруг. Я до сих пор помню, как меня накрыла волна леденящего ужаса перед неизвестностью. Я брела по шершавому асфальту и горько плакала,

потому что осталась совсем одна и ничего не понимала. Это самое яркое воспоминание из детства. Позже мне рассказали, что я прошла несколько километров до самой темноты. Шла без остановки, не чувствуя сбитых в кровь ног. Наверное, так бы и упала там без сил, если бы не пожилая пара. Они пропустили нужный поворот и свернули на эту трассу в надежде выехать на знакомую дорогу. И нашли меня, случайно выхватив светом фар маленькую фигурку на обочине.

Затем был приют. Его я не помню совсем — видимо, мозг от перенапряжения просто отключился и перестал записывать происходящее. А потом меня удочерили мама с папой. Вот их я помню хорошо. Точнее, в памяти намертво засело чувство безопасности и покоя, которое окутало меня рядом с ними. Появились люди, которым я была нужна. Просто так. И это подкупало.

Мама до сих пор любит вспоминать, как они выбирали мне имя. Спрашивали у меня самой, но я упорно молчала — врачи даже решили, что ребенок немой. Как-то раз мне на глаза попался журнал по садоводству — уж не знаю, откуда он взялся у мамы. На очередной вопрос, как меня зовут, я молча ткнула пальцем в фотографию дерева с крупными, пышными цветами. Мама пожала плечами и назвала меня Магнолией. Пошутила, что теперь в доме будет хоть один цветочек. Сама я тот момент помню смутно. Просто снимок вызвал странный отклик — в глубине сознания шевельнулось что-то похожее на забытое воспоминание. Увы, оно тут

же растаяло. А я осталась с новыми любящими родителями и новым «цветочным» именем.

Дальше началась другая жизнь, полная ярких событий. Раз собственных воспоминаний у меня не было, мы принялись создавать новые. Тепло большой любви, первые недопонимания, мой вечный страх сделать что-то не так — чего только не было. Но сегодня я бесконечно благодарна родителям за то, что они забрали меня из приюта, не испугавшись трудностей и «сюрпризов». С терпением и нежностью мы преодолели все преграды. И уж точно сейчас я бы ни за что не променяла приемных маму с папой на биологических.

Второе мое самое яркое воспоминание — знакомство с Розой Вейко. Событие, которое навсегда изменило и мою жизнь, и мой характер...

***

Магнолия. Город N. Восемь лет назад.

Тот день выдался дождливым, пасмурным и невероятно скользким. Осенняя слякоть, казалось, выбралась на улицы погулять. Даже на тротуаре — обычно чистом и сухом — прохожие в недоумении разъезжались в разные стороны, отчаянно стараясь удержать равновесие.

Мне было восемь. Я катилась в школу, превратив скверную погоду в развлечение. Друзей в классе у меня не было, отчего я чувствовала себя скованно и неуютно. Вот и решила побыть просто беззаботной девчонкой, устроив себе ве-

селую прогулку. К сожалению, мой персональный каток заканчивался за ближайшим пешеходным переходом. И пусть я была еще ребенком, инстинкт самосохранения у меня работал исправно, поэтому через дорогу я ступала осторожно.

В отличие от какой-то капризной девчонки, выскочившей из машины прямо на проезжую часть. Она что-то кричала водителю и громко рыдала. Ох, ну что за глупость! Кто же посреди дороги отношения с родителями выясняет? Девчонка сердито топнула ногой и поскользнулась. Но того, что случилось дальше, не ожидал никто. Она не просто упала — ее потащило по мокрому асфальту вперед, прямо под колеса потока машин.

Я не помню, как сорвалась с места. В памяти вспышкой застыло лишь одно: как я со всей силы отталкиваю ее с полосы. Наверное, я понимала, что самой мне по такому льду уже не увернуться, поэтому просто замерла, отсчитывая секунды до удара. Как ни странно, страшно не было. Краем глаза я успела заметить, что непутевую реву подхватила на руки подбежавшая мама, и улыбнулась. В голове лениво пронеслось: «Все хорошо, она в безопасности... Тогда почему ее мама смотрит на меня такими огромными глазами и плачет? Ах да, меня же сейчас собьет машина...»

Боли я не почувствовала. Только глухой удар и темноту. А потом — больницу. Три сломанных ребра, рука и нога. А я что? Я ничего. Лежала себе смирно на койке и изводила всех вокруг. Скучно же! Тем более врачи строго-настро-

го запретили вставать. Но уже на следующий день ко мне в палату заглянула та самая белокурая девочка. Мама как раз отлучилась в магазин — я попросила купить мне какую-нибудь книжку. Девчонка пришла не одна, а с родителями. Те едва сдерживали слезы, осыпая меня благодарностями. Если честно, мне стало жутко неловко. Очень.

Роза была чуть старше меня, хотя с виду я бы дала ей от силы лет шесть. Она тогда еще пошутила, что обязательно меня перерастет. В общем-то, так и вышло. Ее родители чего только мне ни предлагали: гору игрушек, деньги, оплату учебы в элитной школе. Я попросила лишь об одном. Сразу у всех троих. Попросила разрешить нам с Розой дружить. Потому что человеческую жизнь нельзя измерить деньгами.

Рози навещала меня каждый день, пока я лежала в гипсе. Мы часами болтали и выдумывали всякие игры, чтобы разогнать больничную тоску. Дочь состоятельных родителей обладала качеством, которого так не хватало мне: она была уверена в себе. Всегда и во всем. Я же только училась жить как обычный домашний ребенок. Не знаю, чем именно мы зацепили друг друга, но наша дружба оказалась на редкость крепкой. Я никогда не завидовала ее богатству — мне вполне хватало своего. Возможно, не столкнись мы тогда на дороге, я бы так и осталась тихой, зашуганной девчонкой, а Рози выросла бы в избалованную стерву. Но случилось то, что случилось. Мы делились друг с другом тем, что имели. И учились друг у друга. Я никогда не говорила ей этого вслух, но

Роза стала мне настоящей сестрой. Я доверяла ей абсолютно все — даже то, в чем не решилась бы признаться родителям.

Вот так случайные встречи и события перекраивают всю нашу жизнь. Можно бесконечно гадать, что было бы, не произойди тот или иной поворот. Может, вышло бы хуже, может — лучше. Но что есть, то есть. И прямо сейчас меня все устраивает. А чего еще желать в шестнадцать лет? Жить, радоваться дружбе и строить планы на будущее, которое в такие моменты кажется светлым и безоблачным, вопреки всем грядущим трудностям. И пусть не каждой мечте суждено сбыться — кто же запретит о них думать?

Глава 2. Новые знакомые. Роза и Алекс

Магнолия. Город N. Школа.

— Я не знаю, как это объяснить! Просто проснулась и тут — бах! У меня синие волосы. А еще тело ноет так, будто все кости перемололи и собрали заново. Рози, честное-пречестное, я понятия не имею, что со мной происходит!

Меня это пугало. Сильно. И внутри теплилась иррациональная надежда, что подруга сумеет разложить все по полочкам. Очень хотелось в это верить. Глупо, конечно, но жутко осознавать, что с собственным телом творится нечто неподвластное логике.

— Я не знаю ни одной болезни или вируса, способных дать такую реакцию. Может, все-таки в больницу? Нолли, с этим не шутят. У тебя до сих пор жар. Небольшой, но это что-то да значит! Вдруг ты просто простыла? Вчера же торчала на ветру на крыше. А у нас зима на дворе, если ты не заметила.

— Простуда так не работает. От нее пигментация не меняется — выборочно и настолько радикально. Да и лихорадка не отпустила бы так резко, минимум сутки бы провалялась. А то состояние ночью? Что может так болеть, что я саму себя едва помнила? И что делать с отметинами? Сейчас

они не ноют, я даже на спину спокойно опираюсь, но меня постоянно знобит. Не сильно, но мерзко. И да, я психую, потому что ничего не понимаю и боюсь!

Шлеп!

— Ау!

— Успокоилась?

— Не то чтобы, но полегчало. Спасибо.

— Не накручивай себя. Мне еще твоих приступов паники не хватало. Последний раз такой был... сколько лет назад?

— Четыре. Нет, уже почти пять. Тогда мальчишки неудачно пошутили.

— Ага, «неудачно». А ты чуть не задохнулась у меня на руках. Я тогда все перепробовала, сама едва сознание от ужаса не потеряла.

— Ага, и отвесила мне точно такую же пощечину. В тот раз даже синяк остался, так ты приложилась.

— Ну прости, я тоже перепугалась. До медсестры я бы тебя точно не дотащила.

— Да я и не в обиде. Думаю вот: что бы я без тебя делала? Кто еще не побоится зарядить мне по щеке, чтобы привести в чувство?

— Вот именно. Так что цени меня и уважай!

Мы переглянулись и рассмеялись, сбрасывая напряжение.

— Ладно, хватит. Едем в наше «Логово». Там проще во всем разобраться — родные стены придают сил.

— Идет, только маме звякну. Они, конечно, на работе, но

лучше предупредить.

— Окей, вот, кстати, и наша карета. — Рози махнула рукой, и к тротуару плавно подкатил автомобиль ее водителя.

— Вас отвезти домой? — поинтересовался старый добрый Лео.

— Нет, Лео, отвези нас, пожалуйста, *на квартиру*, — подруга многозначительно выделила последнее слово. Верный водитель — хотя скорее уж член семьи — заговорщицки улыбнулся и уверенно вырулил в поток машин.

Логово. Оно полностью оправдывало свое название в плане секретности. Снаружи же это был просто роскошный пентхаус в одной из новостроек, который родители подарили любимой дочери, чтобы та могла закатывать там вечеринки и тусовки. Но Роза шумные сборища не любила. Поэтому просторная квартира с собственным выходом на крышу стала нашим тайным штабом, где можно было посекретничать, пореветь, если кто обидел, и разработать коварный план мести.

Я немного поколдовала над системой безопасности. Теперь, кроме меня и Роуз, внутрь никто не попадет — даже ее родители. Выдать доступ постороннему можем только мы. Вот так. Зря, что ли, пару лет назад я освоила программирование?

***

Первым делом — в душ. Ломота в мышцах ужасно выматывала. Зеркало в ванной показало, что краснота вокруг

отметин никуда не делась. Правда, припухшая кожа больше не болела — наоборот, словно потеряла чувствительность. Ох, не нравятся мне эти метаморфозы. Ладно, разберемся позже. Сначала нужно смыть с себя этот безумный день. Горячая вода принесла не только физическое облегчение, но и прояснила голову. Думать стало легче. Мысли лениво, но ровно потекли в прошлое, зацепившись за вчерашний урок. Надо что-то решать с географией, а точнее — с учителем. Он мне попросту житья не дает. Каждый урок превращается в пытку: приходится контролировать каждое слово, жест и взгляд, чтобы не дать повода придраться.

Так, кажется, воду пора выключать, потому что странная апатия, расползающаяся по телу, мне совсем не по душе. Обычно так накрывает при высоченной температуре. Кто знает, вдруг она снова подскочила? Безразличие окутало мягкой, тягучей волной, и дико захотелось спать. Настолько, что пушистый коврик на полу уже не казался такой уж плохой идеей.

— Нолли, ты там что, заплыла за буйки? — В ванную заглянула Рози. — Эй, подружка, ты чего?

Мысли окончательно спутались. Помню, что что-то невнятно промычала, но что именно — вылетело из головы. Спать хотелось невыносимо, не оставалось сил даже пошевелить пальцем. Как подруга умудрилась дотащить меня до дивана, понятия не имею. Наверное, взяла на шантаж. Хотя чем меня можно шантажировать? А, какая разница... Сейчас

главное — уснуть.

Роза Вейко. Город N. «Логово». 34-й этаж. Пентхаус.

Девушка снова приложила ладонь ко лбу подруги. Жар. И, судя по всему, сильный. Болели девчонки редко, поэтому домашняя аптечка не хранила ничего серьезнее обычного обезболивающего и пары пакетиков от простуды. Разве что где-то завалялись мятные леденцы от кашля, которые так обожала Нолли. Но это все не то. Нужны нормальные лекарства, а еще лучше — врач. Так почему же интуиция буквально вопит против того, чтобы звать кого-то постороннего? Роза кожей чувствовала: происходит нечто выходящее за рамки привычного мира. Волосы за одну ночь цвет не меняют. Разве что в «седой натуральный». Эх, было бы смешно, не будь так тревожно.

Блондинка внимательно вгляделась в лицо сопевшей в подушку подруги. На самом деле Нолли изменилась даже сильнее, чем сама заметила. Ее кожа стала заметно светлее и чище, а ресницы и брови потемнели, приобретя тот же глубокий синеватый отлив. Магнолия не разглядывала себя в зеркале так придирчиво, как Роза, поэтому и упустила эти детали. Подруга же подметила все мгновенно. Следить за собой для Розы не было смыслом жизни — скорее полезной привычкой, частью ежедневного ритуала. Если отбросить пугающую неестественность перемен, можно было смело сказать: Нолли это безумно идет. Та и прежде была весьма миловидной, теперь же ее по праву можно было назвать настоящей

красавицей. Миниатюрная, хрупкая, ловкая.

Блондинка бережно погладила подругу по волосам. Невероятно мягкие. «Да она же еще совсем ребенок!» — вдруг пронзила мысль. Роза постояла рядом еще пару секунд и решительно поднялась. Нужно сбегать за лекарствами. Пусть в аптеке посоветуют что-нибудь действенное. Если таблетки сработают и жар спадет, удастся обойтись без больницы. Рискованно, конечно, но шестое чувство твердило, что так правильно. А Рози привыкла доверять своей интуиции.

В аптеке на нее покосились с подозрением, но мощное жаропонижающее все-таки отпустили. В придачу девушка взяла сильное противовирусное и анальгетики.

— Ой! — В спешке она налетила на кого-то у самого выхода. От падения ее вовремя удержали чьи-то сильные руки.

— А мне казалось, знакомиться с парнями принято менее травматичными способами, — мягко улыбнулся молодой человек.

— Простите, я очень тороплюсь. — Рози попыталась поскорее прошмыгнуть мимо.

— Может, я могу чем-то помочь?

На этот раз девушка замерла и внимательно оглядела незнакомца. Первым в глаза бросилась открытая, добрая улыбка, следом — теплые светло-карие глаза и, наконец, густая грива медных волос, перехваченных резинкой в небрежный хвостик.

— Еще раз извините, но боюсь, вы тут бессильны. — Она

постаралась вежливо улыбнуться, хотя вышло, кажется, довольно грустно.

— Я заметил, что вы взяли жаропонижающее и анальгетики. Я студент медицинского, точнее, уже выпускник. Вдруг я и правда смогу оказаться полезным?

— Не знаю... Возможно. — Рози на секунду задумалась. В конце концов, обычный студент не опасен. У него вряд ли найдутся влиятельные связи, чтобы упечь Нолли в какую-нибудь закрытую клинику. А вот если он действительно поможет сбить жар — это будет спасением. — Пойдемте. Меня зовут Роза. А вас?

— Можете звать меня Алекс. Это упрощенный вариант моего имени — полное не каждый выговорит.

***

В полном молчании они добрались до квартиры. Молодой человек уже собирался переступить порог вслед за хозяйкой, когда девушка его остановила:

— Подождите. Если не хотите загреметь в полицию, предварительно слегка поджарившись, постойте, пожалуйста, за дверью пару минут. — Рози скрылась в глубине квартиры и вскоре вернулась. — Вот, возьмите. — Она протянула Алексу белую пластиковую карту.

— Что это? — Парень с недоумением покрутил в пальцах гладкий прямоугольник.

— Ваш пропуск сюда. Он одноразовый, так что постарай-

тесь без лишней нужды не выходить.

— Ничего себе у вас тут система, — пробормотал Алекс, наблюдая, как его сканируют тонкие красные лучи.

— Охранный контур. Ничего страшного: нарушителей без пропуска просто дезориентирует разряд тока. Пока человек приходит в себя, автоматически вызывается патруль. Обычные меры предосторожности.

— Угу, понял. Ладно, показывайте пациента.

Роза провела молодого человека в спальню, где лежала Нолли. Алекс даже не стал снимать широкую куртку. Со стороны казалось, что девушка просто спит. Вот только футболка, надетая после душа, насквозь пропиталась потом. Влажными были и волосы.

— Да уж, что нужно было делать, чтобы подхватить такую лихорадку? — Он коснулся ее лба. — Роза, у вас есть термометр? Надо знать наверняка, какая у нее температура.

Девушка с трудом отыскала на дне аптечки градусник. Через пять минут они вдвоем растерянно уставились на шкалу.

— Может, он сломался? — Блондинка неуверенно взглянула на озадаченного медика.

— Вряд ли. Температура действительно запредельная. С таким жаром она должна была умереть. Причем еще утром. Но внешне все выглядит как обычный вирус. Может, ваша подруга жаловалась на что-то еще? Потому что я впервые затрудняюсь поставить диагноз.

— Вчера она минут двадцать простояла на крыше под ле-

дяным ветром.

— Зачем?

— Сказала, что наслаждается этим. И если я продрогла до костей, то Нолли даже мурашками не покрылась. При этом днем она чувствовала себя абсолютно нормально.

— И больше ничего странного?

— Ну... — Роза колебалась, стоит ли выкладывать все малознакомому парню. — Пообещайте, что не примете меня за чокнутую и не вызовете психиатричку.

— Хм, — усмехнулся Алекс. — Пока что на сумасшедшую вы не смахиваете.

— Еще вчера ее волосы были обычными. Русыми. Почти.

Молодой человек перевел взгляд на сапфировые пряди.

— А я решил, что она просто покрасилась. — Он осторожно взял одну прядь и наклонился ближе, разглядывая корни. — И правда не похоже на краску. Но ведь так не бывает?

— Именно. Вчера такой была только одна прядь. Сегодня — вся голова. А еще Нолли рассказывала, что ночью ей было жутко плохо.

— Что значит «плохо»? — Алекс мгновенно насторожился. — Почему она не вызвала скорую?

— Говорит, все тело ломило так, что она даже родителей позвать не могла, не то что пошевелиться и набрать номер. А к утру все утихло, вот она и не пошла к врачу.

— И вы рассказываете это только сейчас?! — Алекс схва-

тился за голову. — Да что за пациенты пошли, вечно приходится все клещами вытягивать! Так, выкладывайте все, что знаете. Что болело, где — хотя бы примерно.

— Я бы на вас посмотрела в такой ситуации. — Рози даже немного обиделась. — С лучшей подругой творится черт-те что, ты за нее переживаешь, а тут еще приходится доверяться первому встречному с улицы!

— Вот, — Алекс выудил из кармана документ. — Держите. И рассказывайте, пожалуйста.

Рози глянула на темно-красную корочку в руках. Паспорт. Молодой человек без колебаний отдал ей удостоверение личности. Девушка открыла страницу с фотографией: снимок действительно его. А имя? Ух, так сразу и не прочтешь. Но да, первые буквы складываются в «Алекс».

— Хорошо, — вздохнула Роза. — Скорее всего, у нее болела спина. Нолли не признавалась, но я заметила, что она старается не опираться на спинку стула. Да и вообще весь день ходила, словно аршин проглотила — с идеально ровной осанкой. Хотя обычно я вечно пилю ее за сутулость.

— Спина? — Алекс посмотрел на девушку, лежавшую на животе. Он присел на край кровати и осторожно коснулся ее лопаток. Провел пальцами, прощупывая. Под ладонью явно чувствовалось что-то неладное, но плотная ткань мешала понять, что именно. — Принесите ножницы, пожалуйста.

Роуз даже не стала спрашивать зачем. Очевидно, Алекс не хотел тревожить больную и собирался просто разрезать фут-

болку. Жаль, конечно, вещь, но не смертельно. Так и вышло: парень аккуратно, почти одним движением, рассек ткань по шву.

— Ой... — Рози похолодела. — Что это?

Алекс замер. Уж такого он точно не ожидал. На бледной коже девушки вздулись две багровые полосы с белесыми гребнями посередине. Будто кто-то с ювелирной точностью приложил ее хлыстом. По крайней мере, внешне это выглядело именно так. Вот только никто ее не бил. Тогда что это? Парень слегка надавил на припухлость. Твердая, словно хрящ. У Алекса мелькнула одна совершенно безумная догадка, но он тут же отмел ее как невозможную.

— Если честно, понятия не имею, что это может быть, — парень растерянно развел руками. — Если бы я верил в фантастику и сверхлюдей в реальном мире, сказал бы, что у вашей подруги режутся крылья. Но это абсурд.

— Да уж, — Роза невесело усмехнулась. — А Нолли бы ваша версия понравилась. Ее вечно тянуло в небо. Она потому и торчала на ледяном ветру — ради «ощущения полета». Похоже, без врачей все-таки не обойтись. Нужно сделать хотя бы рентген.

— Знаете, мой приемный отец владеет частным исследовательским центром, там есть отличное диагностическое оборудование. Если хотите, можем поехать туда.

— А почему не в обычную больницу?

— А вы хотите в обычную? Я не настаиваю.

Роза задумалась. Здравый смысл бил тревогу: незнакомый парень предлагает отвезти подругу в какой-то закрытый исследовательский центр. Подозрительно. С другой стороны — он почти врач. К тому же добровольно отдал ей свой паспорт. Интуиция же упрямо твердила: с Нолли происходит нечто выходящее за рамки обычной медицины, то, с чем в городской больнице ей точно не помогут.

***

— Хорошо. Мы отвезем Нолли в ваш исследовательский центр. Но как? Мой водитель обязан отчитываться перед моими родителями.

— Я могу позвонить брату, — пожал плечами молодой человек. — И уж его-то точно не бойтесь. Характер у Сая тот еще, конечно, но он представитель закона.

— Люди встречаются разные. И согласитесь, количество ваших родственников, вовлеченных в это дело, слегка напрягает.

— О, мы не мафия, — улыбнулся Алекс. — И здание Центра вам хорошо известно. Это самая высокая высотка в городе.

— «Башня»? — удивилась девушка. — Я всегда думала, что это... ну, не знаю, какое-то правительственное учреждение или крупная корпорация.

— Почти. Там много чего намешано: и государственные структуры, и пара бизнес-компаний затесалась. А верхние

этажи — наши.

— Ладно. А вам не жарко? — Девушка обратила внимание, что куртку парень так и не снял.

— Нет, нормально. — Алекс достал телефон. После пары гудков на том конце ответили. — Сай? Братишка, нужна твоя помощь, не подгонишь машину по одному адресу?.. Да, я знаю, вечно мне везет на пациентов... Надо... Адрес скину, девчонку нужно отвезти в папин Центр, неофициально... Да тут что-то совсем странное творится, а ты же знаешь: если я в полевых условиях не могу поставить диагноз, значит, дело серьезное. Ладно, жду.

— Алекс, мы на последнем этаже. Ваш брат сможет подъехать к черному ходу? Спустимся на лифте — мне бы не хотелось, чтобы Нолли видели в таком состоянии. Соседи в доме живут состоятельные и злоязычные. Наша квартира — наша крепость, наше логово. Но вот за ее пределами...

— Хорошо, я напишу Саю. Подругу лучше не будить, ей и так скверно. Насколько понимаю, носилок у вас тут не завалялось. Так что заворачиваем ее в плед, и я донесу ее до машины.

— Да уж, Нолли такая крошечная и невесомая, что ее даже я утащу, — мрачно пошутила Роза, доставая из гардероба мягкий плед.

Нолли не пришла в себя, даже когда ее осторожно перекладывали. Казалось, на руках у парня не живой человек, а большая тряпичная кукла. Светловолосой хозяйке квартиры

было по-настоящему страшно за подругу. Пугающая нереальность происходящего резко контрастировала с привычной городской рутиной: гулом машин за окном, приглушенными басами музыки у соседей. Алекс бережно подхватил девушку на руки, стараясь не задеть воспаленные полосы на спине.

— Ведите, Роза. Надеюсь, для выхода из квартиры мне не придется предъявлять пропуск, а то руки заняты, — усмехнулся молодой человек. — А ваша подруга и правда пушинка. Она на жесткой диете?

— О, что вы! Эта маленькая проглотка уминает втрое больше моего. И это при том, что я себя в еде не ограничиваю. И куда только все девается? Никаких болячек у Нолли при этом нет.

— Хм, действительно, куда?

— Наверняка сгорает в ее бешеной энергии. Может не спать по двое суток. Может обежать полгорода, если ей что-то приспичит. Всегда доводит задуманное до конца. Эх, мне бы такую силу воли и фантазию.

У черного входа их уже ждал серебристый седан. За рулем сидел молодой мужчина лет двадцати пяти с заметными азиатскими чертами лица. А еще Рози отметила, что одет он во все черное — под стать темным, как смоль, волосам. Глаз водителя девушка в полумраке не разглядела.

— Так, Алекс, во что ты опять вляпался? — со смесью строгости и усталости в голосе спросил Сай.

— Честное слово, я не специально. Давай, трогай, у меня на руках пациентка, а девушке рядом определенно требуется успокоительное.

Роза только сейчас заметила, что у нее мелко дрожат руки.

Глава 3. Выбор

Магнолия. Город N. Исследовательский центр. Палата.

Второй раз за последние сутки я просыпаюсь с ощущением, будто меня переехал бронетранспортер. Такая статистика меня совсем не радует. Тело ноет, в голове гудит, а во рту раскинулась пустыня Сахара. Да что со мной вообще происходит? Не помни я событий последних дней, решила бы, что перебрала со спиртным и теперь мучаюсь тяжелым похмельем — по крайней мере, в книгах его описывают именно так. Сама-то я алкоголь пробовала в микроскопических дозах, только в кругу семьи и по большим праздникам. У меня на него какая-то странная реакция: дико смешная для окружающих и мучительная для меня. Мама с папой выяснили это случайно, когда в детстве я перепутала бокалы. С тех пор за одним столом вино и гранатовый сок у нас не подают.

Так, о чем это я? Точнее, где я?

Комната вокруг не походила ни на одну спальню нашего «логова». Белые стены, плотно зашторенное окно. Будто я в больнице. Хотя вряд ли: Рози прекрасно знает, как я терпеть не могу медицинские учреждения, так что в крайнем случае ограничилась бы вызовом скорой. Госпитализируют только при угрозе жизни. Неужели все было настолько скверно? А как же родители? И который вообще час? Рука дернулась, и

я заметила капельницу. Ну вот, все-таки больница. Надеюсь, хоть не психушка.

— Да что тут творится? — И это мой голос?! Мамочки! Хрипит, сипит, и вообще его еле слышно.

Дверь отворилась, и в палату кто-то вошел. В полумраке сразу не разглядеть, но по знакомым тревожным ноткам губы сами собой растянулись в улыбке.

— Нолли, ты очнулась! — Роза подбежала к кровати, бросила взгляд на капельницу и присела рядом. — Как ты себя чувствуешь?

— Как побитая собака, — прохрипела я. — Все болит, и я ни черта не понимаю.

Рози подробно пересказала все, что случилось с того момента, как я отключилась в ванной, и до того, как парни привезли меня в этот научно-исследовательский центр.

— А дальше? Что все-таки со мной? Ну, Рози, не томи, мне уже по-настоящему страшно.

— Нолли, я сама толком ничего не знаю. Доктор Сабио скоро подойдет и все нам объяснит.

— Доктор Сабио?

— Да, Магнолия, это прозвище мне дали в Испании много лет назад, — в палату вошел мужчина в белом халате. — В переводе оно означает «мудрец». В молодости я так одержимо гнался за знаниями, что натворил немало бед. Спустя годы я официально взял себе новую фамилию — Сабио — как вечное напоминание о собственных ошибках. — Муж-

чина подошел к окну и раздвинул шторы. В комнату хлынул серый предрассветный сумрак. У доктора оказались коротко стриженные каштановые волосы, очки в тонкой оправе и добрые, чуть виноватые глаза. — Приятно познакомиться, Магнолия Флоринс. Я — доктор Закари Сабио, и нам с тобой предстоит серьезный разговор.

Что-то мне все это совсем не нравится...

***

Я полулежала на подушках и размышляла, судорожно вцепившись в кружку с чаем. Кажется, туда подмешали успокоительное. Доктор Сабио и его сыновья, присоединившиеся по ходу разговора, молча сидели в креслах и не мешали мне переваривать услышанное. Рози, ошарашенная не меньше меня, потягивала такой же чаек и, похоже, уже ни на что не реагировала. Пожалуй, подливать ей больше не стоит — это была уже пятая чашка.

Все оказалось куда круче, чем я могла вообразить. Правду говорят: бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться. Вот и со мной сработало. Мечтала летать, раствориться в небе и ветре — получите, распишитесь. У меня растут крылья. Это не магия, не мистика и даже не бред с галлюцинациями. Я по-прежнему человек. Почти. У меня растут крылья! Да как такое вообще возможно?!

Сначала, когда доктор Сабио выдал эту новость, я решила, что он шутит. Потом — что у профессора не все дома. Но когда мне показали снимки обследования... Я не поверила. В

наше время на рентгене можно нарисовать что угодно. Повторили процедуру еще раз. Прямо при мне. Либо эти люди — гениальные фокусники, а в углу спрятана скрытая камера, либо они говорят чистую правду. Как выяснилось — второе.

Именно после повторного сканирования мне и вручили кружку с успокоительным сбором. Теперь я напряженно думала, Роза витала в облаках, а мужчины терпеливо ждали.

— И что теперь делать? — Вопрос прозвучал совсем тихо, но в нем уместился крик всей моей души.

— Именно это я и хотел обсудить, Магнолия, как только ты придешь в себя. Пришла?

— Да. И можно просто Нолли, на «ты».

— Хорошо, Нолли. У тебя есть выбор. Ты можешь отказаться от крыльев: я проведу операцию и удалю лишние конечности. А можешь принять их. Но тогда придется полностью перекроить всю свою жизнь. — Доктор был предельно серьезен. Его сыновья — Алекс и Сай — пытливо смотрели на меня, ожидая вердикта.

— Я... — Выбор. Как же мучительно выбирать между двумя жизнями! Одна — привычная, понятная: школа, Рози и странные воспоминания, которые легко списать на лихорадочный бред или дурной сон. И другая — новая. Другая я. Я с крыльями. Покорившая небо. На чем остановиться?

В фантастических фильмах, особенно про путешествия во времени, часто показывают, как один шаг человека способен развернуть судьбу, породить альтернативную реаль-

ность, где все пойдет совершенно иначе. Моя жизнь — не кино. Но прямо сейчас решалось абсолютно все. Возможно, выбери я обычный путь, все сложилось бы спокойнее и безопаснее. Но заветная мечта манит, застилает глаза. Она — словно глоток чистого воздуха, пьянящий от открывшихся горизонтов.

— Я оставлю крылья.

— Отлично, — доктор Сабио одобрительно кивнул, а парни переглянулись. — Тогда остался один вопрос к твоей подруге. — Он повернулся к Рози, которая в секунду растеряла всю свою флегматичность и подобралась. — Вы — совершенно обычный человек, Роза. Вы втянуты в эту историю случайно. Случайность эта оказалась для Магнолии спасительной, ведь в городской клинике не стали бы разбираться и попросту вырезали бы непонятные образования. Вы вправе вернуться в привычный мир, доучиться в школе, оборвав все связи с нами. А можете остаться здесь, в самом эпицентре событий. Да, Нолли ваша лучшая подруга, и я догадываюсь, каким будет ответ. Но учтите: о происходящем в этих стенах не должна прознать ни одна живая душа. Иначе вами займутся спецслужбы, а вашу подругу попросту препарируют ради опытов.

— Вы сами ответили на свой вопрос, доктор. Я никуда не уйду. Однажды Нолли спасла мне жизнь. Если вы не причините ей вреда, я останусь и помогу чем смогу. Но если я замечу хоть малейший намек на то, что вы используете ее ради

собственной выгоды, я исчезну. И подругу заберу с собой — вы нас из-под земли не достанете. И да, ко мне тоже можно на «ты». Раз уж теперь мы все повязаны одной тайной.

— Договорились, — доктор улыбнулся, и вокруг его глаз разбежались теплые лучики морщинок. — Правда, тайна будет не одна. — Он взглянул на сыновей.

Сай и Алекс почти синхронно стянули через голову свободные толстовки, скрывавшие силуэт, и повернулись к ошеломленным девушкам спиной. От лопаток до самой поясницы — мощные, блестящие, невероятно красивые. У обоих были крылья. Переливающиеся оттенками от золотисто-каштанового до светлой карамели у Алекса. И угольно-черные — у Сая.

— Как видите, — доктор Сабио едва сдерживал смех, наблюдая за вытянувшимися лицами девчонок, — у нас тоже есть свой секрет. И наш опыт очень пригодится в случае с Нолли. Но он ни при каких обстоятельствах не должен выйти за пределы нашего узкого круга.

Рози зачарованно не сводила глаз с Алекса.

— Так вот почему ты не снимал куртку! — вырвалось у нее.

Мы дружно расхохотались, сбрасывая остатки напряжения и развеивая давящую ауру тайны, повисшую в палате.

***

***

— Когда все началось, мы не можем сказать наверняка. Начну, пожалуй, с нас, — доктор Сабио приступил к рассказу. — У всех нас разные фамилии, поскольку Алекс и Сай — мои приемные сыновья. Еще у меня есть родная дочь, Джессика. Ее мать умерла, когда малышка была совсем крохой, так что живем мы сугубо мужской компанией с одной маленькой принцессой. Сейчас Джесси учится в Англии, в закрытой школе, приедет только летом. Сам я лет восемь-девять назад был молодым холостым ученым, одержимым жаждой знаний. Исколесил полмира, вляпался в крупные неприятности, сменил фамилию и буквально через пару месяцев наткнулся на мальчишек. В России, в глухой сибирской глубинке, я встретил Алекса. Его настоящее имя — Алексей Золотов. Мальчишка был весьма необычным: местные его чурались, не пускали в деревни, откровенно боялись.

— Если честно, — вступил в беседу Алекс, — я сам, едва осознав, что меня может ждать, создал себе такую репутацию. Когда тебя боятся, близко не подходят — а значит, проще скрыть свою... «особенность».

— Да, Алекс обладал яркой внешностью и удивительной анатомией. Почти всю жизнь он провел в тайге, лишь изредка выбираясь в ближайшие села за провизией, когда сам прокормиться уже не мог. Но мне после моих «приключений» было море по колено. Вот я и привязался к этому диковатому пареньку, пытаясь выведать его секрет. Надо признать, через три с половиной месяца мне все-таки удалось заслужить его

доверие. Как для ученого, это была фантастическая находка, но как человек я видел, как тяжело парнишке выживать в одиночку. Поэтому долго раздумывать не стал и предложил ему усыновление. Нам повезло: в тех краях удалось оформить документы на никому не известного ребенка, просто сочинив правдоподобную жалостливую историю. Дальше мы колесили по свету вдвоем, притираясь друг к другу и учась жить как отец и сын. Признаюсь, было ох как непросто — из меня поначалу вышел никудышный родитель. И все же мы выкарабкались. Именно Алекс, кстати, свел меня с моей женой, Амелией. Веселая и романтичная история, как-нибудь расскажу ее целиком — сейчас слишком долго. В общем, я женился. Мы выбрали дом, обустроились. А потом по работе меня занесло довольно далеко — в Японию. И там то ли по моей рассеянности, то ли благодаря чьей-то ловкости рук у меня увели сумку. А внутри лежало все: деньги, документы, научные архивы. Недолго думая, я бросился в погоню за подростком, которого счел вором. Собственно, так и оказалось. Это был Сай. Я едва его нагнал — просто чудо, что повезло.

— Ага, повезло ему, — усмехнулся Сай. — Ты сам чуть не погиб, вытаскивая меня.

— Не преувеличивай, все обошлось, — отмахнулся доктор.

— Обошлось лишь потому, что ты не побоялся сигануть за мной на рельсы и выдернул меня буквально из-под носа у поезда. — Сай перевел взгляд на нас и пояснил: — У меня

нога застряла между шпал. Не знаю, как так вышло, но не бросься отец следом, меня бы смачно размазало по путям. И, кстати, я не чистый японец, скорее полукровка.

— Так я обзавелся вторым сыном. Тогда я еще понятия не имел, что Сай тоже крылатый. Передо мной стоял просто угрюмый подросток в мешковатой черной одежде. Очень тощий и очень нелюдимый. Надо ли говорить, как изумилась Амелия, когда из командировки я привез не магнитик на холодильник, а еще одного ребенка. Который наотрез отказывался показываться любым врачам. И только увидев крылья Алекса, Сай решился раскрыть свою тайну. Поначалу он был жутким молчуном...

— Да из него и сейчас слова клещами не вытянешь! — хохотнул Алекс.

— С тем временем все равно не сравнить. Ладно, не перебивай. Сай, как ни странно, сильнее всего привязался к Амелии — она как раз носила под сердцем Джессику. Я устроился в местную клинику, а в свободное время проводил исследования. Никаких патологий у мальчишек я не обнаружил. Их крылья оказались столь же естественными для организма, как руки или ноги. Единственное, что удалось выяснить: эта особенность у них с рождения, она заложена генетически. В остальном они почти обычные люди. Отличаются лишь чуть повышенной температурой тела да костями, которые ощутимо легче человеческих. Сами крылья невероятно мощные, структура перьев идеально подходит для подъема

солидного веса — от птичьих они немного отличаются, но в целом весьма схожи.

— Да уж, — я продолжала беззастенчиво разглядывать парней. — Веселенькая у вас семейка.

— Да, как любит повторять Алекс, «было бы смешно, если б не было так грустно». После смерти Амелии я с детьми перебрался сюда. Мы учились маскировать особенность мальчишек, тренировали их навыки полета, встраивались в обычную жизнь. Я поднял все старые связи — порой не самые законные, — перерыл кучу архивов. Но больше таких детей не нашел. Взрослых тоже. Либо их попросту нет, либо они мастерски прячутся. И вот представь: мы спокойно живем, работаем, учимся. И вдруг появляешься ты, Магнолия. Обычная девчонка, у которой ни с того ни с сего запускается перестройка организма. Это могло оказаться чем угодно: опухолью, последствием травмы, тяжелым воспалением. Но нет. По всем сканам формируются новые кости, нарастают мышцы и ткани. У тебя растут крылья. С нуля. Магнолия, это за гранью возможного — как и то, что на тебя наткнулся именно Алекс. Чистая случайность. Чудо. И ты сама — настоящее чудо.

— Доктор Сабио, вы меня в краску вгоняете, — мне казалось, вспыхнули даже корни волос. — Лучше скажите, что мне теперь делать?

— Что ж, формирование крыльев почти завершено. Совсем скоро они начнут прорезаться. Боюсь, процесс будет

чертовски болезненным. Так что прости, но отпускать тебя домой я категорически не советую. И нужно срочно поговорить с твоими родителями — возможно, они знают причину таких изменений. Если на твою мать во время беременности что-то повлияло, мне необходимо это выяснить.

— Увы, придется вас разочаровать: вы ничего не узнаете. Меня удочерили, когда мне было пять.

— О... вот как. Прости.

— Ничего страшного. Но вы правы, родителям нужно сообщить. Правда, я ужасно боюсь их реакции.

— Нолли, — подала голос Рози, молчавшая все это время. — Давай я позвоню и попрошу их подъехать сюда. Вчера я предупредила, что ты ночуешь у меня. Скажу, что тебе резко поплохело и мы примчались в центр. Думаю, доктор Сабио сумеет объяснить все куда убедительнее.

Сил на разговоры уже не осталось, поэтому я просто кивнула.

— Разговор предстоит непростой, — тихо пробормотал доктор.

Веки налились свинцом. Финал их беседы я уже не расслышала, бессильно проваливаясь в глубокий сон.

***

***

Когда я проснулась вновь, у моей кровати сидели родители. По их лицам сразу стало понятно: доктор Сабио уже все

им рассказал. У мамы были красные, заплаканные глаза и виноватая, грустная улыбка. Папа же выглядел непривычно растерянным и подавленным.

— Мам? Пап? — Я чуть приподнялась на локтях, благо чувствовала себя уже гораздо лучше.

— Нолли, — папа почему-то упорно избегал моего взгляда, и это неприятно резануло. — Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, уже лучше, пап. — Обычный вопрос из вежливости, но не могла же я с порога потребовать отчета о том, что здесь произошло.

— Нолли, цветочек, — мама пересела ближе. — Твой доктор все нам объяснил. Знай: что бы ни случилось, мы всегда будем тебя любить. Просто, понимаешь... — Тут и мама виновато отвела глаза. — Мы с папой, как бы эгоистично это ни прозвучало, боимся таких перемен. Мы ведь всегда чувствовали, что ты особенная. Умненькая, красивая, сильная духом — дети из приюта редко бывают такими. Вопреки всему ты, словно упрямый росток, пробивалась даже сквозь асфальт. Я безумно тебя люблю, и папа тоже. Но пойми, доченька: мы хотим жить жизнью обычных людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.